

В конце концов, даже если семья мужа будет очень понимающей, она неизбежно будет подвержена влиянию, и в итоге всё равно не будет считать Лю Яоцина человеком.

Еда и деньги в доме по-прежнему находятся в руках старика Лю, а Лю Яоцин — просто обычный человек, который живёт. Все живые члены семьи Лю по-прежнему держат в руках большие суммы денег, смотрят на Лю Яоцина свысока, видя, как его не ценят в семье мужа, как он живёт в мучениях, позволяя бесчисленным злым умыслам медленно разъедать его тело, а он продолжает разъедать следующее поколение.

Жизнь — это как нож, который с самого рождения медленно срезает куски твоего тела. Первоначальная боль становится онемением, и ты даже не чувствуешь боли, а потом сам берёшь нож и начинаешь резать своих детей.

Но с тех пор, как Лю Яоцин очнулся, всё изменилось.

Он зарабатывал большие деньги, даже получил императорский указ, стал самым известным человеком в деревне, мог нанимать сколько угодно рабочих, даже поднял руку на Лю Цюаньфу и старика Лю.

И даже... деревенские считали, что Лю Яоцин поступил правильно.

Тот, кого раньше никогда не ценили, считали куском камня, теперь стал сияющим золотом, куда бы он ни пошёл, он сиял, и этот свет резал глаза старику Лю.

Лю Яоцин словно постепенно оживал, открывая глаза из оцепенения, похожего на жизнь зомби, его тело медленно покрывалось острыми шипами, и если кто-то поступал с ним несправедливо, он подходил и колот их, пока не появлялась кровь.

Такие перемены застали старика Лю врасплох. Он, Лю Цюаньфу, Ли-ши и младшая Ли-ши всё ещё сохраняли привычку смотреть на Лю Яоцина свысока, но в душе знали, что теперь он другой, даже староста деревни относился к нему с уважением.

Это уже не был бедный гэр без денег, а скорее человек, который был более способным и жёстким, чем глава семьи, и в будущем обязательно станет влиятельной фигурой, о которой будут говорить.

Старик Лю вздыхал дома, не мог есть от расстройства, а у двери появился ловкий мужчина, вытянув шею, спросил:

— Цин-гэр дома?

Не услышав ответа, мужчина понял, что Лю Яоцин не дома, повернулся и ушёл в дом Чжэцзы.

Величественные ворота были распахнуты, во дворе стояла повозка, запряжённая волами, под карнизом висела сушёная дичь, слегка покачиваясь на ветру.

Мужчина взглянул на дичь, сглотнул слюну и снова вытянул шею:

— Цин-гэр здесь?

— В горах, — Юй-гэр выбежал из дома с пакетом лепёшек и бамбуковой трубкой томатного соуса. Увидев незнакомого мужчину, он улыбнулся и спросил:

— Вы пришли купить лепёшки?

— Да, — мужчина снова оглядел двор с недоумением. — Почему не видно тех, кто печёт лепёшки? В доме тоже пусто.

— Теперь мастерская лепёшек переехала в горы, пойдёте со мной, — Юй-гэр, больше не боясь людей и не косноязычный, ловко повёл мужчину через небольшую боковую дверь, за которой открылось просторное пространство.

Небольшой двор был уставлен деревянными стеллажами, несколько ловких женщин пекли лепёшки, дети быстро бегали туда-сюда, забирали лепёшки, перекладывали их и упаковывали.

В углу двора стоял квадратный домик, дети относили упакованные лепёшки туда, Лю Яоцин, стоя у двери, записывал количество, а они, улыбаясь, быстро возвращались.

Впереди была ещё одна дверь, видимо, ведущая в задний двор.

— За лепёшками? — услышав объяснение Юй-гэра, Лю Яоцин подошёл поздороваться. — Все свежие, очень ароматные, сколько хотите?

Мужчина подошёл к двери и заглянул внутрь.

Юй-гэр, вымыв руки, достал изнутри самые первые лепёшки, развернул одну и протянул мужчине:

— Это самые первые, попробуйте, как вам?

Аромат зерна был очень насыщенным, внутри, казалось, было больше одного вида зерна, лепёшка была тонкой и упругой. Мужчина оторвал кусочек, положил в рот и почувствовал сладковатый вкус.

— Я возьму двадцать пять пачек, — мужчина сразу же решил.

— Хорошо, — Лю Яоцин достал учётную книгу, отметил двадцать пять пачек, позвал мальчиков, которые складывали лепёшки, помочь, вынести лепёшки из дома и помочь мужчине погрузить их на повозку.

Самый старший из мальчиков, Су Да, в эти дни рос как на дрожжах, каждый день менялся, теперь его рост почти догнал Лю Яоцина, он был худощавым, с яркими глазами, сильным и работал почти как взрослый.

Мальчик помог мужчине закрепить повозку, верёвка в его руках была словно волшебная, быстро обмоталась, и лепёшки никак не рассыпались.

— Ты из деревни, работаешь здесь? Сколько получаешь в день? — мужчина, отправив своих людей везти повозку, заговорил с Су Да.

Гордо выпрямившись, Су Да серьёзно ответил:

— Я не из деревни, я постоянный работник Цин-гэра.

— Хорошо, хорошо, — мужчина улыбнулся и ушёл.

Су Да, улыбаясь, вернулся к работе, конечно, всё было хорошо, он и другие мальчики теперь жили в большом доме, больше не спали на соломе, а комнаты были отличными.

Всего две комнаты, внутри стояли двухъярусные деревянные кровати, в одной комнате могли спать четыре человека. В комнате был деревянный стол, четыре шкафчика, у каждого было своё место для вещей, под кроватью стояли деревянные тазы, и каждое утро все вместе шли к ручью умываться.

Теперь хорошая жизнь казалась сном, Су Да думал, что Лю Яоцин, должно быть, тот самый небожитель, который спустился с небес, чтобы варить «Нектар небожителей», иначе как он мог быть таким способным, просто указав, и появилась мастерская лепёшек.

Закончив с мастерской лепёшек, Лю Яоцин отправился в теплицу.

Чжэцзы-гэ с раннего утра поливал ростки кукурузы, земля уже была прогрета, в теплице было очень сухо, приходилось поливать несколько раз в день, землю по бокам тоже нужно было заранее перекопать, чтобы быть готовым к посадке ростков кукурузы.

Сейчас Лю Яоцин не собирался рассказывать деревенским о том, что он выращивает кукурузу, поэтому теплица с двух сторон была закрыта соломенными занавесками, только в некоторых местах было немного света, но пока никто не проявлял интереса.

Самое главное, что мастерская лепёшек теперь официально работает, Сюань-гэр управляет женщинами, которых Лю Яоцин назначил печь лепёшки, эти женщины, пока мастерская существует, будут работать, и их заработок тоже будет стабильным, можно сказать, что они застрахованы от неурожая. Многие в деревне завидовали, в эти дни часто ходили в мастерскую лепёшек.

— Цин-гэр, — Чжэцзы-гэ легко поставил ведро с водой. На дне ведра была бамбуковая трубка с деревянной пластиной, полной мелких отверстий, из которых вода вытекала, как мелкий дождь.

— Чжэцзы-гэ, ты не устал? — Лю Яоцин сам не мог поднять это тяжёлое ведро, он беспокоился о Чжэцзы-гэ.

Улыбаясь, Чжэцзы покачал головой, потянул Лю Яоцина посмотреть на ростки кукурузы на земле:

— Цин-гэр, через несколько дней уже можно будет сажать?

— Да, — Лю Яоцин с радостью смотрел на эти зелёные ростки, он знал, какой урожай даёт эта культура, и его сердце наполнялось ожиданием.

В теплице горел очаг, в центре был выложен слой кирпичей, на них было тепло, Лю Яоцин просто сел, потянув за собой Чжэцзы-гэ. Но Чжэцзы-гэ сел сам, похлопал себя по бедру и, покраснев, сказал:

— На земле жёстко, садись сюда.

— Здесь тоже не мягко, — Лю Яоцин присел, ткнул пальцем в твёрдое бедро Чжэцзы-гэ, но всё же развернулся и сел.

Это было как тёплая скамейка, сзади можно было опереться на Чжэцзы-гэ, Лю Яоцин улыбался, думая об этом.

— Сегодня Мао Бай настаивал на том, чтобы пойти с Эр Ха и Хэйбэй в горы, я немного

волнуюсь, — Лю Яоцин опёрся на Чжэцзы-гэ, чувствуя себя немного неловко, но не хотел вставать.

Мао Бай был весь покрыт пухом, уже сильно вырос, но всё ещё не мог летать, бегал на двух ногах, в эти дни, кроме ночи, когда он любил спать с Лю Яоцином, днём он больше не следовал за ним, а предпочитал бегать за Эр Ха.

На этот раз в горы позвал Эр Ха, все трое прибежали к Лю Яоцину, долго выли, и Лю Яоцин согласился.

Лучше согласиться, чем они убегут тайком, и тогда будет ещё больше проблем.

С тех пор, как на горе начали строить дома, каждый день туда ходят люди, в глубине гор, кроме мелких животных, крупных уже не видно, они умные, не выходят на конфронтацию с людьми, так что Эр Ха и компания должны быть в безопасности.

<http://bllate.org/book/16688/1531944>